

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА *).

1. КАК ВОЗНИКЛА ДИСКУССИЯ?

Вопрос о современной конъюнктуре мирового хозяйства и о перспективах капиталистического развития привлекает к себе в последнее время исключительное внимание. Уже на 3-м конгрессе Коминтерна этот вопрос был поставлен в центре основных проблем международного коммунизма. Тезисы 3-го конгресса „О мировом положении и задачах Коммунистического Интернационала“ поставили следующий диагноз: пункт 9. „Таким образом кризис 1920 г.—это есть одно из важных обстоятельств для понимания мировой обстановки—не есть очередной этап „нормального“ промышленного цикла, а более глубокая реакция против основанного на разорении и истощении фиктивного подема эпохи войны и двух последних лет.

Нормальные чередования подъемов и кризисов происходили на поднимающейся кривой промышленного развития. За последние семь лет производительные силы Европы не поднимались, а круто падали.

Разорение самого фундамента хозяйства еще только должно сказаться во всех его этапах. Для достижения некоторого внутреннего соответствия—хозяйство Европы в течение ближайшего ряда лет должно будет сжиматься и сокращаться. Кривая развития производительных сил будет понижаться от нынешней своей фиктивной высоты. *Подъемы могут иметь при этом кратковременный, в значительной, степени, спекулятивный характер. Кризисы должны быть длительными и тяжелыми* (курсив мой Г. Л.). Приведенная формулировка таким образом исключала возможность для ближайшего периода длительной и высокой волны подъема в развитии капитализма. Однако, ряд данных относительно состояния мирового хозяйства, относящихся к лету и осени 1921 г., вызвал к жизни ревизию этой точки. С декабря прошлого года начинается горячая полемика о перспективах, ближайших и более отдаленных, капиталистического развития. Прежде, чем перейти к существу вопроса, произведем беглый обзор документов дискуссии.

2. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕМИКИ.

К числу авторов, утверждающих, что капиталистическое хозяйство в настоящее время выходит из кризиса, принадлежит Г. Г. Фалькнер (статья в Эк. Ж. за декабрь—январь) и Троцкий (статья в „Правде“). На той же точке зрения стоит Боголепов—„Европа после войны“ и Протопопов—статья „Современное положение мирового хозяйства“ в № 1 „Экономиста“. Однако, последние два автора никаких данных для обоснования своего прогноза не приводят.

*) Статья написана в феврале 22 года.

Наибольшей полнотой и обстоятельностью отличаются статьи Фалькнера. Выводы, сделанные им на основании обследования большого статистического материала, могут быть сформулированы следующим образом: „Мировой промышленный кризис—кризис сбыта—достиг кульминационного пункта своего развития в крупнейших странах мира примерно к маю—июню 1921 г. После этого в развитии его произошел перелом, и кризис явно пошел на убыль“.

Можно уже теперь говорить о современном переломе в мировой хозяйственной конъюнктуре.

Но грядущую фазу конъюнктуры, во всяком случае, нельзя представлять как фазу непосредственного промышленного подъема. Длительный период депрессии будет совершенно неизбежно следовать за современным кризисом. Поскольку можно сейчас предвидеть, этот период депрессии *может растянуться на срок от нескольких месяцев до одного или двух лет*. (Курсив мой. Г.Л.). И лишь после этого наступит фазис промышленного подъема.

Подчеркнутое мною место показывает, что, поскольку речь идет о перспективах развития, выводы С. А. Фалькнера отличаются крайней неопределенностью. В самом деле, какую ценность может иметь прогноз хозяйственного развития, для которого совершенно безразлично, на какой срок растянется депрессия—на 2 м-ца или на два года. Если последнее, то очень легко может случиться, как это признает и сам Фалькнер, что подъем будет сорван. Помимо того, свои основные выводы С. А. Фалькнер сопровождает оговорками, которые, в значительной степени, ослабляют категоричность первоначального утверждения—„можно уже теперь говорить о совершившемся переломе в мировой хозяйственной конъюнктуре“. Например: „Мировой уровень цен может снова несколько понизиться. „Наконец, можно предвидеть, что в положении *второстепенных промышленных стран* улучшение скажется еще не скоро. Вероятно, и в Англии, наступающая зима еще будет очень тяжелой, что, вероятно, повлечет за собой немало социальных конфликтов, забастовок и проч.“. Все это свидетельствует о крупных колебаниях, поскольку ставится вопрос не об оценке момента, а о динамике мирового хозяйства. Правда, свои оговорки С. А. Фалькнер сопровождает контроговорками, но они только подчеркивают шаткость и неопределенность выводов для будущего. Этот внутренний разлад в выводах С. А. Фалькнера обуславливается, как я это постараюсь показать ниже, тем обстоятельством, что явления подъема имели место в хозяйственной обстановке, предрешающей для капитализма, после кратковременного улучшения, углубление и обострение кризиса.

На той же точке зрения, что и т. Фалькнер, стоит т. Троцкий. Автор, цитированных мною выше, тезисов 3-го конгресса Коминтерна, он является одним из инициаторов пересмотра той оценки положения и тенденций мирового хозяйства, которая дана в этих тезисах. Правда, т. Троцкий в общую теоретическую позицию, из которой исходил Коминтерн, не вносит никаких изменений. Теперь, как и тогда, он указывает на то, что „циклические колебания конъюнктуры свойственны капиталистическому хозяйству, как биения сердца—живому организму. „За кризисом следует подъем и за подъемом кризис, но, в общем, кривая капитализма в течение столетий шла в гору“, „каждый подъем, очевидно, двигал хозяйство вперед на большее расстояние, чем последующий кризис отбрасывал его назад“. „Темп, объем, напряжение и длительность оживления зависят от всей совокупности условий, характеризующих жизненность капитализма“.

Однако, эти положения, общепринятые в среде марксистов, дают только общую теоретическую формулу, которая требует конкретного анализа данной хозяйственной обстановки для того, чтобы решить основную, интересующий всех вопрос, каковы в нынешний момент тенденции развития. Вот на этот-то вопрос т. Троцкий дает ответ, который противоречит прежнему прогнозу. Я уже приводил соответствующее место из резолюций III конгресса Коминтерна. Не лишнее будет кое-о чем снова напомнить. „Кризис 1920 г. не есть очередной этап нормального промышленного цикла. Кривая развития производительных сил будет понижаться от нынешней своей фиктивной высоты. Подъемы могут иметь при этом кратковременный спекулятивный характер“, гласят тезисы. Теперь т. Троцкий говорит иное: „Сейчас несомненное явление перелома *экономической конъюнктуры* налицо. Общие фразы на счет того, что нынешний кризис есть последний кризис распада, что он составляет основу революционной эпохи, что он может закончиться только с победой пролетариата,—не могут, очевидно, заменить конкретного анализа экономического развития. На самом деле мировой кризис, как сказано, приостановился в мае этого года. Промышленность, работающая на потребление, первая обнаружила признаки улучшения. За ней сдвинулась с места и тяжёлая промышленность. Сейчас это бесспорные факты, которые находят свое выражение в цифрах“. Все это звучит, пожалуй, гораздо категоричнее, чем соответствующие места у т. Фалькнера. Еще одна цитата—„*Основная кривая* промышленного развития *ищет путей вверх*“ (курсив мой Г. Л.). Такая характеристика конечно не приложима к подёму „кратковременного и спекулятивного характера“. Формулировка т. Троцкого заставляет думать, что имеется в виду повышательная тенденция „нормально“ развивающегося капитализма. Однако т. Троцкий не удержался на позиции решительного и безоговорочного признания подёма. В той же статье („Прилив“) он указывает, что „ближайший промышленный подём не сможет ни в коем случае восстановить условия дальнейшего развития, сколько-нибудь близкие к довоенным; наоборот, весьма вероятно, что после первых-же своих завоеваний он упрется в экономические траншеи, вырытые войной“. Таким образом здесь, хотя и глухо, прорывается точка зрения III конгресса Коминтерна, что, конечно, свидетельствует о некоторой противоречивости в точке зрения т. Троцкого.

Перейдем теперь к характеристике взглядов второго лагеря. Анализ, данный т. Фалькнером и те выводы, к которым пришел т. Троцкий вызвали возражения со стороны т. т. Суханова („По поводу одной сенсации“ Эк. Ж. № 294, „Тем хуже для фактов“ Эк. Ж. № 31 1922 г.) и Дволайцкого (ст. „Мировой кризис“ 1920—1921 г. „Правда“ 1922 г.). Оценка взглядов Суханова по указанным статьям представляет некоторые трудности, так как автор поставил себе весьма ограниченную задачу; не столько излагать свои собственные выводы, сколько „посчитаться с выводами проф. Фалькнера в пределах его собственного материала“. Однако общее представление о точке Суханова можно почерпнуть и из этих полемических статей. Н. Суханов, занимая, в целом, правильную позицию, сам ослабляет ее необоснованным отрицанием некоторых бесспорных данных, проводимых Фалькнером. Только во второй статье, „Тем хуже для фактов“, он отрешается от этой манеры и уделяет внимание и выяснению тех условий, в которых имеет место подём в некоторых отраслях промышленности. В статье „По поводу одной сенсации“ Суханов считает возможным оспаривать данные об увеличении производства в американской хлоп-

чато-бумажной промышленности, в чугунно-литейной и каменноугольной промышленности; то-же самое и по отношению к состоянию промышленности в Англии. Совершенно прав Фалькнер, обвиняя Суханова в подмещении понятия мирового рынка и, что еще хуже, в буржуазном понимании мирового рынка: „в узком смысле меж-национальных сношений или, по простому говоря, внешней торговли“. Вот что говорит Суханов—„Соед. Штаты работают на свой, сравнительно твердый рынок. Но, с другой стороны, если-бы перелом и произошел, он не сделал-бы волны в *мировом хозяйстве*“ (курсив мой Г. Л.). Подмещение понятий бросается в глаза. Несомненно различная функциональная роль в мировом хозяйстве Соед. Штатов и Англии должна быть отменена при анализе вопроса, но из этого никак нельзя делать вывода, что изменения в хозяйственном положении Соед. Штатов не могут оказать существенного влияния на состояние мирового хозяйства. Однако бесспорно, что экономическое положение Англии, в силу особой роли ее в мировом хозяйстве, является более показательным для мировой хозяйственной конъюнктуры, чем состояние хозяйства Соединенных Штатов.

Тем не менее, ряд пунктов, и чрезвычайно существенных, в анализе Фалькнера, Суханов правильно намечает, как объект для критики. Он указывает на то, что общие индексы цен говорят не в пользу выводов Фалькнера, что „экономически, наступающий ныне период является уже новой фазой конъюнктурного развития“, фазой под'ема. Суханов прав, когда говорит, что данные относительно рынка труда не свидетельствуют об улучшении положения. Неоспоримо также и то, что цифры, указывающие на % безработных в Англии в июле и в августе „надо считать искусственно преувеличенными за счет забастовки“ (Суханов). Ясно также, что ликвидация летней угольной забастовки должна была оказать стимулирующее влияние на производство чугуна и стали в Англии, непомерно понизившееся за стачечный период. Ниже, в другой части статьи, когда я перейду к рассмотрению вопроса по существу, я приведу цифровые данные, подтверждающие это.

Считаю необходимым отметить еще один пункт спора, в отношении которого истина безусловно на стороне Суханова: это оценка промышленного под'ема в Германии и роста ее экспорта. С указанием, что в Германии ликвидация кризиса была особенно ускорена систематическим выкачиванием ее продукции союзниками в порядке уплаты так наз. „возмещений“. Рынка для сбыта своих продуктов ей искать не приходится, ибо он ей навязан принудительно“. Фалькнер, вместе с тем, неоднократно в своих статьях подчеркивает под'ем в тех или иных отраслях германской промышленности. Между тем,—это стало даже общим местом,—промышленная лихорадка и „явления распродажи“ в Германии, которой рынок сбыта навязан, являются факторами обостряющими и запутывающими положение мирового хозяйства. Явление промышленной лихорадки имеет место и в других странах падающей валютой; этим странам рынка никто не навязывает, но, как правильно указывает Суханов—„это не есть здоровый рост промышленности и *действительного* благополучия. С этой точки зрения для нас совершенно не интересно и непоказательно положение Германии. Ее промышленность работает, можно сказать на заказ, вне всяких естественных условий капиталистического рынка“ (Суханов). Такую же трезвую оценку экономического положения в Германии дает тов. Павловский в статье „Мировое хозяйственное положение“ (осень 1921 г.) помещенной в 1-м номере „Коминтерна“. Охарактеризовав процесс

распродажи, он говорит— „все эти явления создают в глазах коммерсантов впечатление высокой конъюнктуры, обещающей возможность колоссальных спекулятивных барышей. Но если мы взглянем на дело с точки зрения политической экономии и спросим себя, окрепло ли, благодаря этому, германское хозяйство и повысилось ли производство, то не сможем дать утвердительного ответа“. Последние данные об экономическом состоянии Германии еще в большей степени подтверждают иллюзорный характер подъема в стране, который вывозом платит „возмещения“, делает это за счет рабочего класса и, несмотря на максимальное напряжение сил, не в состоянии существенно улучшить свой платежный баланс, который продолжает оставаться пассивным. Я не сомневаюсь в том, что все это ясно и для Фалькнера: если он, все же, неоднократно ссылается на Германию, как на страну, выходящую из кризиса, то, очевидно, для „полноты картины“.

Теперь несколько замечаний относительно общих выводов Суханова. Они, несомненно, страдают некоторой неточностью и неясностью. Например— „Перелом текущего кризиса возможен. Но к старому капитализму возврата нет“. Это слишком обще. В каком смысле нет возврата? Или— „возможность движения к лучшему я, конечно, не отрицаю“. Но разве речь идет об установлении абстрактных возможностей? Или следующее: „говорить о переломе конъюнктуры, не только мировой, но американской, совершенно неосторожно и преждевременно. *Без-можно*, что движение есть. Но утверждать это на основании „перелома в индексах ни в каком случае не следует“. Более удовлетворительна другая формулировка Суханова:— „Как-бы ни был ясен и бесспорен перелом конъюнктуры, из его признания никак нельзя умозаключить, что мировой капитализм вышел на путь „нормального“ развития, и что кривая его роста через „месяцы и годы будет идти вверх, а не повернет снова очень быстро вниз“. В этой формуле есть зерно правильной постановки вопроса: констатирование некоторого видимого улучшения не является доказательством того, что капитализм вступил в новую фазу расцвета. Вероятнее, что мы сейчас являемся свидетелями короткой повышательной волны, которая в общем и целом не изменяет основной упадочной тенденции. Ведь, как указывает и Фалькнер, „экономические линии потому и называются кривыми (а не прямыми), что они всегда движутся зигзагами“.

Правильнее всех подошел к вопросу т. Павловский в уже цитированной нами статье в 19 номере Коминтерна. Воздавая должное неоспоримым фактам, он, не в пример т.т. ослепленным отдельными явлениями подъема, не теряет из вида перспективы развития капиталистического хозяйства, пораженного сейчас не столько кризисом, сколько болезнью распада. „Сведения за последние два месяца, говорит Павловский, содержат в себе признаки экономического возрождения. Сдвиг с мертвой точки, повидимому, произошел“. Но дальше он указывает: „Буржуазная пресса всех стран полна самых радужных надежд. Многие думают даже, что это начало общего расцвета. Но эти надежды на новый расцвет, по нашему мнению, совершенно не

*) На статье т. Дволайского в „Правде“ не останавливаясь, так как она ничего нового, по сравнению с статьей Суханова, не дает.

После того как статья уже была закончена и слана в редакцию, была получена книжка „Красной Нови“ составшей т. М. Дволайского „Мировое Хозяйство и кризис 1920—1921 г.“. Эта чрезвычайно содержательная статья дает, главным образом, итоги хозяйственного развития за период 1914—1920 г.г. и характеристику кризиса 1920—1921 г., уделяя, сравнительно, меньше внимания анализу данных, на основании которых можно было бы установить ту или иную тенденцию.

основательны. Причины до сих пор вызывавшие капиталистический кризис, продолжают существовать в полной мере". „Попрежнему не устранена основная причина экономического кризиса: распадение капиталистического мирового хозяйства на две не связанные друг с другом части". т. Павловский имеет в виду группу стран с высокой валютой и другую группу—с падающей валютой.

„К относительному перепроизводству в странах первой группы присоединяется производственный кризис в странах второй". „Пропасть между страдающими от перепроизводства и недостаточно производящими странами стала за последний год еще шире: отсюда следует, что ожидание повышения конъюнктуры, которая охватила бы все мировое хозяйство, совершенно не обоснованно". Несмотря на отдельные признаки улучшения конъюнктуры, в мировой экономической политике продолжает царить хаос. Он ярче всего характеризуется двумя парадоксами современной экономической действительности: „Нет факта, говорит т. Павловский, более показательного для хаотического состояния капиталистического мирового хозяйства, чем стремление капиталистических кругов в странах высокой валюты восстановить мировое экономическое равновесие путем искусственно вызванного падения собственной валюты". В подтверждение этого он ссылается на некоторые финансовые прожекты подобного рода, возникшие в Англии, Швейцарии и Соед. Штатах. Помимо того, один из лучших буржуазных авторитетов в области финансовой политики, шведский проф. Густав Кассель, выдвигает в настоящее время инфляцию, в странах с твердой валютой, как главное средство исцеления мирового капитализма от поразивших его недугов. Прожект проф. Касселя пока является только предметом дискуссии; но уже одно то обстоятельство, что такой прожект может серьезно обсуждаться, является чрезвычайно симптоматичным.

Другой парадокс—это искусственное сокращение экспорта из Германии несмотря на катастрофическое состояние ее хозяйства, несмотря на то, что усиление экспорта является единственным средством для уплаты „возмещений" и улучшения валютных отношений.

Характеристикой точки зрения т. Павловского можно закончить обозрение документов дискуссии по вопросу о современных тенденциях мирового хозяйства. В этой дискуссии, как мы видим, в качестве основных пунктов спора, выделяются следующие: установление фактических данных, необходимых для решения вопроса, выяснение причин, вызвавших кризис 1920—1921 г.г. и оценка их актуальности в нынешний момент, наконец, определение перспектив развития мирового хозяйства. Понятно, последний вопрос должен решаться не в общей отвлеченной форме, а на основе того конкретного материала, которым в настоящее время мы располагаем.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРИЗИСА 1920—1921 г.

Небывалый по своему размаху и глубине произведенных им разрушений промышленный кризис 1920—1921, продолжающийся и по настоящее время, является непосредственным результатом империалистической войны 1914—1918 г., которая сама была, по сути своей, военно-политическим выражением глубочайшего кризиса капиталистического хозяйства.

То обстоятельство, что годы войны характеризуются непосредственно промышленным оживлением, едва ли может кого-либо ввести

в заблуждение относительно экономического смысла мировой бойни. Это оживление, по существу, являлось выражением тех глубоко разрушительных процессов, губительных для европейского хозяйства, которые протекали на полях Фландрии и Польши, в лесах и болотах Восточной Пруссии, на берегах Сана и Изонцо. Война была неслыханным в мировой истории уничтожением материальных ценностей, истреблением и мертвых, и живых элементов производительных сил.

В воюющих странах быстро увеличивалась производительность металлургической, химической, каменноугольной и текстильной промышленности только для того, чтобы большую часть произведенных и ранее накопленных в течение десятков лет материальных богатств бросили в бездонную пропасть мировой войны. То, что могло служить, в условиях мирного хозяйственного развития для увеличения основного и переменного капитала, для дальнейшего продолжения процесса расширенного воспроизводства,—вычеркивалось безвозвратно из резервов хозяйственного развития. Иначе говоря, война довела количество разрушительного действия до такой границы, когда количественные изменения приводят к резким изменениям качественного характера.

В данном случае,—к уничтожению условий нормального капиталистического накопления. Я не привожу цифр, характеризующих указанный выше процесс; они, в той или иной степени, известны каждому читателю по работам т.т. Воргги, Троцкого, Фалькнера, Султан-Заде и проф. Боголепова.

Наряду с разрушением материальных ценностей шло безостановочное и лихорадочное накопление бумажных ценностей, которые являлись уже не знаком им соответствующих реальных благ, а скорее, и главным образом, свидетельством гибели их, долговым обязательством, которое должны будут оплатить рабочие массы трудом сегодняшнего и завтрашнего дня. Из крупных капиталистических стран вышли в экономической степени окрепшими только Соединенные Штаты, увеличившие во время войны и за счет войны свой основной капитал, переложившие в свои кладовые и несгораемые кассы большую часть мирового золота. Быстрыми шагами по пути промышленного развития пошла и Япония. В значительной степени, поэтому, центр тяжести мировой хозяйственной жизни, поскольку речь идет об общей сумме производимых ценностей, оказался перенесенным в заокеанские страны. Однако, то обстоятельство, что это перемещение центра тяжести произошло катастрофически быстро (за какие нибудь 4 года) и сопровождалось обнищанием значительной части Европы, привело не к подъему кривой капиталистического развития на базе хозяйственного усиления новых стран, а к кризису, в котором проблема рынка встала перед финансовым капиталом Америки, Англии, Японии и Франции во весь свой рост.

Указанные выше условия создали тяжелую обстановку для мирового хозяйства уже непосредственно после окончания войны. Капиталистические государства сравнительно удачно справились с политическими затруднениями, которые выдвигала перед ними демобилизация армии, и сумели отсрочить взрыв пролетарской революции. Не то имело место в сфере экономики. Период от ноября 1918 по весну 1919 г. характеризуется кризисом, который был непосредственно вызван прекращением военных заказов, болезненно трудным процессом перехода промышленности с военных рельс на мирные.

Но этот же переход промышленности к осуществлению мирных задач, поскольку он вызвал необходимость восстановления машинного оборудования, изношенного во время войны, и замену машин одного рода машинами другого рода, привел летом 1919 г. к короткому подъему, который закончился в середине 1920 г. Оживившийся рынок основного капитала, вызвавший на некоторое время усиленный спрос на промышленное оборудование и средства производства вообще, оказался неспособным преодолеть основные причины развала, вызванные к жизни войной. Оказалось, что промышленность восстановленная для удовлетворения потребностей мирного времени, необходимого ей мирного рынка не нашла. Ничтожная покупательная способность широких масс населения, экономическое обескровление центральных держав, бумажно-денежное „наводнение“ и связанный с ним финансовый кризис в ряде европейских государств,— снова парализовали мировое хозяйство.

Положение невероятно осложнилось еще и потому, что из сферы мирового хозяйственного оборота оказалась выключенной Россия, бывшая раньше богатейшим рынком сбыта продуктов крупно-капиталистической промышленности, приобретения промышленного сырья и продуктов питания и, что является в нынешней финансово-капиталистической фазе развития фактором первостепенной важности, рынком интенсивного экспорта капитала. Наша тяжелая индустрия, которую теперь так трудно восстанавливает пролетариат России и Украины, была создана иностранным капиталом.

Нарушение равновесия между отдельными частями мирового хозяйства получило свое выражение в валютном хаосе, который царит во всем мире, в тяжелом финансовом положении (почти катастрофическом), которое характерно для Германии, Италии, Франции, Австрии и др. стран. С точки зрения валютных отношений, мировое хозяйство разделено на две части—страны с твердой валютой (С.-Штаты и Англия) и страны с падающей валютой (перечисленные выше). Валютный хаос, возникший в результате экономической катастрофы, является сейчас неопреодолимым препятствием для восстановления нормального хозяйственного общения между отдельными капиталистическими странами, и потому способствует углублению кризиса. Как указано уже было выше, в обзоре дискуссии по вопросу о положении мирового хозяйства, финансовый кризис получает парадоксальные формы и вызывает не менее парадоксальные прожекты экономического исцеления.

Решения Версальского конгресса, поставившего Германию и в хозяйственном, и в политическом отношении на колени, сыграли в указанном отношении первостепенную роль. Германия, для того чтобы уплачивать репарации, должна относительно вывозить больше, чем она вывозила до войны и продавать при этом свои товары по возможно низким ценам, конкурируя с американской и английской промышленностью; этому способствует колоссальное падение марки, которое номинально повышает цену товаров, а реально удешевляет ее, так как за фунты и доллары оказывается возможным купить чрезвычайно дешево векселя на Германию. Низкие цены достигаются и огромным понижением заработной платы в Германии, удешевляющим издержки производства. Создается в общем то, что получило в экономической литературе название „бросового“ экспорта. Однако это изобретение финансового капитала сейчас не служит, поскольку речь идет о Германии, средством экономической экспансии, а является выражением невыносимого хозяйственного положения страны, превращенной в данницу Франции. Вместе с тем, экспортная политика Гер-

мании больно ударяет по внешней торговле Англии, Франции и Соед. Штатов, товары которых стоили дороже Германских. Отсюда ряд протекционистских мер, чрезвычайно сильное повышение ввозных пошлин в С. Шт., Англии и Австралии; эти пошлины метят, главным образом, в Германию; но тем самым державы Антанты делают своего должника, Германию, неплатежеспособным должником.

Обращаясь к тому влиянию, которое оказывает падение марки на хозяйство Германии, мы видим следующее: низкий курс марки способствует оживлению внешней торговли, но за то создает для Германии тяжелые затруднения в покупке сырья и продуктов питания, за которые приходится расплачиваться обесцененной валютой. Повышение марки облегчает закупку сырья, но сокращает вывоз и больно ударяет по Германской промышленности. Не удивительно, если такое положение, полное внутренних противоречий, накладывает на экономическую жизнь Германии глубокую спекулятивную печать. Как неоднократно указывала „Fr. Zeit.“, торговые сделки на берлинской бирже, методы создания новых предприятий, формы окупонирования и создания амальгам (синдикато-трестовых объединений) носили в подавляющем размере спекулятивный характер. Все это приводит к тому, что Германия, от кризиса перепроизводства не страдающая (она болеет сильным недопроизводством), является фактором, углубляющим современный мировой кризис, осложняющим до крайности проблему рынков для крупных капиталистических государств. Мировой капитализм, ища исцеления, выхода из кризиса, все чаще и чаще, поэтому, возвращается к проблеме восстановления средней и восточной Европы. Но антогонистические тенденции, раздирающие мировое хозяйство на части, ставят тягчайшие затруднения в разрешении этой задачи.

Помимо того усложняет положение и то обстоятельство, что Индия, Австралия и Китай, лишенные во время войны продуктов крупной капиталистической промышленности, подверглись в весьма значительной степени капитализации и обнаруживают, особенно Индия, в той или иной степени, желание эмансипироваться от европейской промышленности; показателем этого является то, что в настоящее время в Индию увеличился ввоз средств производства и уменьшился ввоз фабрикатов; добыча угля в Азии быстро растет. Как указывает тов. Троцкий („Новый Этап“ 29 стр.), до войны Азия давала 56 милл. тонн угля, в 1920 г. она дала 76 милл. тонн, т. е. на 36 процент. больше. Этот процесс капитализации Азии является, с точки зрения развития производительных сил мирового хозяйства, большим шагом вперед, но он, вместе с тем, сужая рынок сбыта некапиталистических стран, затрудняет восстановление равновесия в условиях современного кризиса.

Какие-же перспективы сулит ближайшее будущее мировому капитализму? Можно-ли ждать, в охарактеризованных выше условиях, выхода его из кризиса, или неизбежной является хозяйственная, а за ней и политическая расплата за гигантское разрушение производительных сил во время войны 1914—1918 г.?

На этот вопрос должен ответить анализ основных хозяйственных факторов за последние м-цы 1921 главным образом.

4. ФАКТЫ И ИХ ОЦЕНКА.

Динамика товарных цен.

Данные относительно индексов цен, как указывает Фалькнер, являются „наиболее важным показателем конъюнктуры товарного хо-

зайства. Не абсолютная высота того или иного уровня, ибо в течение сколько нибудь продолжительного времени, все элементы товарообмена успевают приспособляться к любому данному уровню товарных цен, а именно *направление движения его*“. Но, нужно сказать, что как раз эти данные указывают на дальнейшее движение мирового хозяйства по пути кризиса. Рассмотрим сначала общие индексы цен, а затем движение цен отдельных товаров.

ОБЩИЕ ИНДЕКСЫ ЗА 1921 ГОД.

1921 г.	Англия Times ¹⁾	С. Штаты Bradstreet ²⁾	Япония	Франция	Швейцар.	Германия	Колебание Герман. валюты по отнош. к доллару	
							Высш. курс	Низш. курс
Январь	228,9	134	301	426	237,9	143	76	55 ¹ / ₂
Февраль	211,1	129	195	377	230,2	136	67	57 ¹ / ₄
Март	203,4	123	191	360	219,1	130	64	60 ¹ / ₄
Апрель	198,2	117	190	347	208,3	130	68 ¹ / ₅	61 ¹ / ₂
Май	193,3	115	191	329	186,3	132	67 ¹ / ₄	58,20
Июнь	186,7	116	192	325	184,7	128	75,15	63 ¹ / ₄
Июль	186,5	120	196	330	178,6	135	84,15	72,80
Август	183,8	120	190	331	176,9	160	91	80 ¹ / ₂
Сентябрь	180,8	121	207	342	180,6	164	127	85 ¹ / ₅
Октябрь	171,5	123	219	352	183,7	184	185	121
Ноябрь	167,5	122,8	214	331	182,1	249	310	191 ¹ / ₂
Декабрь	162,1	—	—	325	177,5	303	236	168 ¹ / ₂
Январь	158,6	—	—	—	175,6	320	—	—

1) Индекс „Экономиста“ дает в июле—августе—сентябре повышение цен; в октябре понижение—178—179—183—170.

2) Индекс Fed. Res. Board показывает с апреля по ноябрь—143—142—139—141—143—143—141—140.

Для всех стран, кроме Германии, средний уровень цен 1913 г.=100.

Для Германии принят за 100 средний уровень цен 1920 г.

Для Швейцарии индексы исчислены на первое каждого месяца.

Приведенная таблица, дающая общие суммарные данные относительно движения цен на мировом рынке, явно обнаруживает, что осенний подъем цен должен быть нами оценен не как перелом в конъюнктуре, а как кратковременный взлет, вызванный причинами отнюдь не длительного и глубокого характера.

Впервые этот взлет цен обнаруживается в Соед. Штатах; согласно индексу Bradstreet'a—в июне 1921 года, Fed. Res. Board'a—в июле; это разноречие можно считать несущественным для общей оценки вопроса. Важно то, что цены в октябре—ноябре снова понижаются и что предшествовавшее повышение их было незначительным и явно носило характер бега на месте. Таким образом провозглашенный Фалькнером определенный перелом конъюнктуры оказывается эфемерным. Что касается Англии, то общий индекс Таймса такого подъема вообще не обнаруживает, наоборот—он дает картину непрерывного падения цен; однако данные относительно движения цен в двух основных группах товаров (предметы потребления и промышленное сырье) показывают, что цены на *предметы потребления* обнаружили движение вверх в июле—208,8 против 205,2 в июне, затем 209,1 в августе,

а с сентября по декабрь цены снова падают и значительно: 187,8—175,1—179,0—168,1. Цены на *промышленное сырье* показывают в сентябре—176,7 (в августе—169,0), затем с октября по декабрь включительно снова падают: 169,4—160,8 158,8.

Индекс Японии обнаруживает повышение цен с июня по октябрь, а в ноябре—снова падение—214; во Франции, после максимального повышения цен в октябре—352, в ноябре и декабре падение их—331—325. Что касается Швейцарии, то в ней под'ем цен характеризует сентябрь и октябрь—180,6 и 183,7 против 166,9 в августе; затем с ноября по январь непрерывное падение—182,1—177,5—175,6. Данные относительно Швейцарии чрезвычайно показательны, так как в ее лице мы имеем страну с валютой наиболее устойчивой (100,8 проц. против паритета, американская—99,97 проц.), поэтому швейцарские показатели дают наиболее ясную и точную картину движения реальных цен; помимо того Швейцария, в силу разносторонности своих экономических взаимоотношений, чрезвычайно чутко отражает тенденцию хозяйственного развития тех стран, с которыми она непосредственно связана.

Германские индексы обнаруживают непрерывное повышение с июня прошлого года вплоть до января 1922 года: однако стоит сравнить индексы цен с помещенными в таблице данными относительно колебаний курса марки за 1921 год, для того чтобы убедиться, что это повышение носит исключительно номинальный характер и не только не обнаруживает тенденции оздоровления хозяйственной жизни, но наоборот, свидетельствует о продолжающемся ухудшении положения. Таков нелицеприятный язык цифр, поскольку речь идет об общем движении цен на мировом рынке. В конце лета и осенью—очевидный под'ем цен для основных групп товаров; только общий индекс „Таймса“ маскирует это в нивеллирующем результате total index'a; но начало зимы ознаменовалось новым падением цен во всех странах, обнаруживающим, что в осеннем повышении цен мы имели короткую и невысокую волну, которая не может быть оценена, как ласточка новой весны капиталистического развития. О причинах этого кратковременного повышения цен поговорим ниже. Перед тем, как дать объяснения этому факту, я считаю необходимым продемонстрировать данные относительно отдельных товаров; это приблизит нас к конкретно вещественной стороне дела, сделает осязательной и наглядной основную тенденцию развития. Начнем с текстильной промышленности, как одной из определяющих общее состояние мировой хозяйственной конъюнктуры. В текстильной промышленности мы имеем отрасль производства, в которой повышательные тенденции проявились наиболее явно и оказались наиболее прочными. Однако, анализ соответствующих данных покажет нам, что это видимое благополучие не отмечено печатью значительной неустойчивости.

Приведем таблицу цен на американский хлопок на английском рынке („Таймс“ 2/1 22 г.)

1921 г.	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
	30	31	30	31	30	31
	8,35	11,05	15,22	12,49	11,30	11,71

(в пенсах, за фунт).

Затем, „Экономический Бюллетень“ Уполномоченного Наркомвнешторга при Совнаркоме У.С.С.Р. за январь 22 г. дает следующие данные:

ЦЕНЫ НА ХЛОПОК.

Лондон		Нью-Йорк	(в пен- сах за фунт)	П р и м е ч а н и е
13 сентября	13	15 сентября	19,70	Согласно последним данным, сообщаемым в „Times trade Supplement“ цены от 21 января 22 года на хлопок (в пенсах за фунт) за период от 4 декабря 21 г. по 18 января 22 года дают следующее движение: 11,50 — 11,60 — 11,40 — 11,45 — 11,40 — 11,10 — 11,10 — 11,10 — 10,80 — 10,60 — 10—55.
30 „	15,22	21 „	20,20	
5 октября	15	6 октября	21,10	
13 „	13,80	18 „	19,55	
31 „	12,09	24 „	19	
9 ноября	12	9 ноября	17,40	
18 „	10,88	14 „	16,45	
1 декабря	10,83	25 „	18	
9 „	11,02	1 декабря	17,24	
15 „	10,47	9 „	17,80	
20 „	11,02	21 „	18,50	
21 „	11,10			

Эти данные обнаруживают повышение цен на хлопок в августе—октябре и довольно значительно; однако, цены не удерживаются на достаточно высоком уровне (15,22—Лондон; 21,10—Нью-Йорк) и обнаруживают резкую тенденцию к падению, начиная с ноября; правда, иной раз прорывается тенденция к повышению, но она общего уклона к понижению не уничтожает; некоторое улучшение цен в конце декабря является незначительным и напоминает, как и вся скачка цен, своего рода лихорадочную высьпь. Вместе с тем, как указывает автор обзора текстильного рынка в цитированном выше „Экономическом Бюллетене“ Укрвнешторга, „рост цен хлопка скоро скажется на спросе хлопчатобумажных изделий в смысле его сокращения, вызвав, в свою очередь, понижение цен на хлопчатобумажную пряжу“.

ЦЕНЫ НА ПРЯЖУ.

Ливерпуль.

1921 год.

(в пенсах за 1 ф.)

21 сентября—23; 6 октября—22,5; 20 октября—22,75; 3 ноября—21; 17 ноября—19.

Очевидно, если бы конъюнктура была в целом благоприятна для мирового хозяйства, то росту цен на хлопок соответствовал бы не испуг рынка перед повышающимися ценами, не падение цен на пряжу, а повышение их.

Между тем, как мы видим, росту цен на хлопок в сентябре и октябре соответствует падение цены пряжи за эти месяцы. Это показывает, что сравнительно твердое настроение на хлопковом и текстильном рынке вызвано не общим улучшением мировой конъюнктуры, а особыми специфическими условиями. Как указывает тот же обзор текстильного рынка, в Германии „в компетентных кругах текстильной промышленности неустойчивость рынка вызывает большие опасения. Факты на лицо. В целях удержания цен на текстильные изделия на внутреннем рынке, правительственное бюро по реализации сбыта текстильных товаров прибегло к продаже большой партии готового платья за границей по весьма дешевым ценам“.

Этот факт настолько красноречив, что не требует пояснения.

Какова же та причина, которая вызвала оживление в хлопчатобумажной промышленности? Она заключается в колоссальном недо-

боре хлопка в Америке в 1921 г.*). В 1920 году было собрано 12 миллионов кип, в 1921—8.340.000. Такое уменьшение сбора было вызвано не только неблагоприятными естественными условиями, но и сокращением посевной площади хлопковых плантаций в 1921 году, в результате кризиса 1920 года. К концу 1920, началу 1921—остаток равнялся почти 8.000.000 кип; как указывает Фалькнер (Эк. Ж. № 254)—„Запасы хлопка, оставшиеся непроданными с прошлого года, так велики, что вместе с урожаем текущего года они, несомненно, покроют мировую потребность в хлопке“. Вместе с тем, Фалькнер вынужден признать, что можно предвидеть и дальнейшее падение цен на хлопок, так как эти цены „значительно выше довоенного уровня, достигнутого летом текущего (1921) года“, т.е. далеко не достигли крайнего предела падения. В силу этого, едва ли можно ожидать расширения площади посева хлопковых плантаций в 1922 году. Больше того, соответствующие промышленные сферы, желая оградить себя от дальнейшего и неизбежного понижения цен в случае нормального сбора, принимают искусственные меры для ограничения посевной площади хлопковых плантаций. Как указывает т. Павловский в цитированной уже статье, „американское хлопчатобумажное объединение приняло на своем годовом собрании в Бермингеме (Алабамия, Америка) резолюцию, требующую от фермеров, чтобы посевная площадь в 1922 году не превышала таковой в минувшем сезоне“. Такие организационные достижения капитализма, пытающегося найти выход из кризиса путем искусственного и планомерного понижения производительных сил. Указанная мера, типичная для современного капитализма, являющаяся одним из излюбленных методов „экономической политики“ трестов, является, вместе с тем, мериллом прочности и солидности для того „перелома в конъюнктуре“, который имел место прошедшей осенью.

Указанные выше условия повышения цен на хлопок дают ключ к уяснению причин повышения цен и в других отраслях производства. Поэтому прав Суханов, утверждая, что „хлопковый ажиотаж, конечно, отразился и на всем текстильном рынке. Цены немедленно вскочили и на пряжу, и на изделия. Американский индекс цен неизбежно должен был возрасти в последние месяцы именно за счет текстильного рынка, по причине хлопковой паники“. („По поводу одной сенсации“). „Хлопковый голод“ вызвал усиленную закупку хлопка, временно повысил цены на пряжу, должен был расширить обработку сырья и полуфабриката, неизбежно должен был вызвать усиленный спрос на средства производства для текстильной промышленности, и тем самым привести к повышению цен и величины продукции в тяжелой индустрии. Цепная связь экономических явлений здесь ясна, и напрасно иронизирует Фалькнер „по поводу такого“ теоретического изъяснения „фактов“; нельзя, конечно, спорить против того, что „по всем законам доброй старой политической экономии

*) Тут нужно принять во внимание и то, что агрикультурное бюро Соедин. Штатов ввело в заблуждение потребителей хлопка, способствовав в середине прошлого года укреплению убеждения в колоссальном неурожае хлопка; в октябре оно объявило цифру в 6.500.000 кип, затем 7.037.000; в конце октября была дана цифра, приведенная в тексте,—8.340.000. Таким образом, подъем цен на хлопок осенью прошлого года объясняется не только реальной величиной неурожая, но и ложными данными американского государственного учреждения, что имело своим последствием спекулятивное оживление. Как только рынок узнал о действительном положении вещей, он реагировал на него резким понижением цен. Ланкаширские фабриканты, как указывает „Economist“, были возмущены ложной информацией; однако, это возмущение едва ли уменьшило те прибыли, которые попали в карманы спекулировавших на хлопке.

вздорожание сырья (хлопка), повышающее цены и готовых изделий, сужает их район сбыта и тем самым сокращает обработку, но дело то в том, что последовательность явлений, отмечаемая Фалькнером, относится к условиям нормального и естественного повышения конъюнктуры *кульминационной точки* подъема, накануне критического падения кривой развития; а в обсуждаемом нами случае мы имеем дело с ажиотажем и игрой в условиях кризиса, достигшего небывалого размера; в такой обстановке даже небольшой подъем цен на хлопковое сырье неминуемо должен был повлечь за собой общее повышение цен. Естественно, что скачок вверх в американской промышленности не мог не отразиться, в силу тесной связанности отдельных частей мирового рынка, и на Европе, в первую очередь, конечно, на состоянии английской промышленности, питающейся, по преимуществу, американским хлопком. Таким образом, кратковременный относительный характер повышения индекса цен является неоспоримым; следует воздать должное проницательности Фалькнера, у которого оказалось достаточно мужества и предусмотрительности для того, чтобы заявить— „нужно признать весьма вероятным некоторый сдвиг кривой вниз в течении 2—3 последующих месяцев“. Понятно, если база, на которой создавалась повышательная тенденция, оказывается неустойчивой, то шаткость должны обнаружить и те явления повышения цен, которые отраженно обнаружались и в других отраслях промышленности. Посмотрим теперь, каково состояние рынка пищевой промышленности. На основании данных „Таймса“ можно составить следующую таблицу.

ЦЕНЫ НА ЛОНДОНСКОМ РЫНКЕ 1921 Г. (в шиллингах).

Т О В А Р Ы:	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Пшеница 480 фун.	88/7	88 1	88 4	89 1	75 8	64 10	57 1	44 9	46 3	44 7
Ячмень 400 фун.	51 1/2	47 7	44 9	40 1	45 1	59 9	63 3	49 9	49 9	45 7
Рис № 2 Бирма квт.	16	16 6	16 9	17 3	22 6	24	21	19	18 6	15
Мука пшен. 280 фун.	69	69	69	70	67	64	60	56	47	47
Говядина 8 фун.	11 1/4	10 2	10	8 10	8 8	9 2	7 2	6 6	6 2	6 6
Баранина Нов. зел. мор. 8 ф.	5 10	5 8	5 10	5 2	5 4	5 4	4 8	4 2	4 2	3 11
Сахар раф. квинтал	73	70	63 6	52 6	63	62	57 6	55 6	54 6	51 6
Масло слив. датское квт. . .	256	230	210	206	260	246	224	236	220	174

Приведенная таблица, охватывающая значительную часть главных продуктов питания, дает очень ценные указания для характеристики современного положения мирового хозяйства. Я не буду подробно останавливаться на отдельных данных этой таблицы; отмечу только самое существенное для интересующего нас вопроса. Два года подряд—1920, 1921—мы имели крупные урожаи хлеба, причем урожай 1921 года значительно превзошел урожай 1920 года. Это повлекло за собой, к моменту реализации его в конце лета и начале осени прошлого года, резкое падение цен не только на зерновые хлеба и муку, но и на другие пищевые продукты. Такая же картина в общем харак-

терна не только для Лондонского, но и для других рынков. Непосредственным и ближайшим результатом понижения цен на хлеб и продукты питания вообще должно было бы быть понижение цен и на промышленные изделия; однако *впоследствии, как справедливо указывает Фалькнер*, падение цены хлеба не сужает, а расширяет мировой рынок промышленных изделий, ибо, понижая издержки на продовольствие широких масс населения, оно оставляет свободной большую часть платежных средств для расширения спроса на индустриальном рынке. Однако это не произошло, как можно видеть по данным выше индексам цен: мы имеем общее понижение цен не только в октябре, но и в следующие месяцы. Помимо того, для мирового хозяйства характерно то, что в 1920 году хороший урожай не повлек за собой оживления промышленности и не оказал мало мальски ослабляющего влияния развития кризиса в 1920 году. Очевидно, что данная выше формулировка Фалькнера недостаточна, во всяком случае, слишком упрощенно рассматривает зависимость между хорошим урожаем и развитием промышленности. Нет никакого сомнения, что хороший урожай способствует оживлению хозяйственной жизни, так как повышает реальные ценности находящиеся в руках широких масс потребителей. Однако, одного хорошего урожая недостаточно, как это показывает история промышленных кризисов; хорошие урожаи только тогда связывались с длительными улучшениями конъюнктуры, когда они встречали на мировом рынке условия, благоприятствующие развитию международной торговли, когда экономические пути из одной части мирового хозяйства были широки и свободны. Но вот именно этого-то обстоятельства не было ни в 20, ни в 21 году: глубокое истощение одной части мирового хозяйства, невероятное обогащение другой, валютный хаос, чрезвычайное ослабление покупательной силы большинства европейских государств, небывалое понижение заработной платы пролетариата, выключение из мирового рынка России, колоссальное падение производительности труда,—все это глубокие, могущественные факторы разрешения капиталистического хозяйства, которые не в какой степени не преодолены ни в 20, ни в 21 году. Таким образом, в нынешней конкретной обстановке, падение цен на продукты питания не может оказать глубокого оздоравливающего влияния на капиталистическое хозяйство. Такое же свидетельство не в пользу перспектив капиталистического развития дают нам данные о состоянии цен на уголь, сталь и чугун. К сожалению удалось достать только сведения для Англии и Германии. Однако, это обстоятельство едва ли может служить препятствием для некоторых общих заключений: состояние английского рынка пока является самым чувствительным барометром мирового рынка.

ЦЕНЫ НА УГОЛЬ В АНГЛИИ (в шиллингах и пенсах за тонну).

	31/XII 1913 г.	31/XII 1920 г.	31/IV 1921 г.	31/VIII 1921 г.	30/XI 1921 г.	31/XII 1921 г.
Кардиф	20/3	90	60	32/6	26	25/6
Газовый	15/6	70	40	28	23	21/6
Домашний	17/6	37/2	37/2	37/6	37/6	37/8

ЦЕНА НА УГОЛЬ В ГЕРМАНИИ (в марках за тонну).

	Январь 1914	Январь 1920	Апрель 1921	Сентябрь 1921	Декабрь 1921
Рядовой жирный	12,00—12,75	106,9—187,0	227,4	253,0	405,1
Рядовой газовый	12,50—14,50	108,7—110,8	257,8	288,0	460,4
Кокс для доменных печей . .	15,00—17,00	155,0—156,2	331,2	369,6	590,6

(Те же сорта, но цены в золотых рублях)

	Январь 1914		Январь 1920		Апрель 1921		Сентябрь 1921		Декабрь 1921	
	в коп.	в ‰	в коп.	в ‰	в коп.	в ‰	в коп.	в ‰	в коп.	в ‰
Рядовой жирный.	9,75	100	7,45	76,5	12,00	123	9,90	101	5,5	56,5
Рядовой газовый.	10,1	100	7,4	73,5	13,6	135	11,3	112	6,3	62,5
Кокс для доменных печей . .	12,7	100	10,6	83	17,5	138	14,5	114	8,1	63,5

(таблица взята из 17 номера И. Н. Ф. Бюл. Укр. Наркомвнешторгаза 1922 год).

Таблица цен на уголь в Англии обнаруживает симптоматическое для современной конъюнктуры явление: начиная с июня 1921 года непрерывно падают цены на промышленный уголь, цены же на домашний уголь обнаруживают большую устойчивость*). Безусловно прав Суханов, не придающий никакого значения устойчивости цен на домашний уголь; помимо того, что это обстоятельство крупного посредственного влияния на состояние промышленности не могло оказать, оно обусловлено подготовкой (31-VIII) к зимнему времени и усиленным потреблением домашнего угля во время зимы (31-XI, 31-XII), т. е. мы имеем в данном случае явление чисто сезонного характера; а вот *промышленный* уголь непрерывно падает в цене: 32, 26, 25; 28, 23, 21. Таким образом, положение каменноугольного рынка непрерывно ухудшается вплоть до декабря 1921 года включительно.

Германские цены, выраженные в марках, повышаются, но это повышение является функцией падения германской марки; при переводе этих цен на золото мы получаем поистине поразительные данные: в сентябре 1921 цены, указанных в таблице 11 сортов, составляют 101‰, 112‰, 114‰ цен января 1914 г., а в декабре 1921 года—56‰, 62‰, 63‰; и это имеет место в то время, когда германская промышленность испытывает большую нужду в угле и оказывается вынужденной прибегнуть к ввозу английского угля. Усиленный спрос на уголь внутри Германии не в силах оказать серьезного влияния на положение угольного рынка.

*) Согласно данным „Times Trade Supplement“ от 21 января 1922 года мы имеем следующее движение цен на уголь за 5, 12 и 19 января: паровой кардиф—30, 30, 28; паровой ньюкестль—25, 25, 23½ пенсов за тонну.

Что касается чугуна и стали, то „Таймс“ от 2 января 22 года дает нам следующие данные:

*)	31 декаб. 1920	31 июля 1921	31 авгус. 1921	30 сент. 1921	31 октяб. 1920	30 нояб. 1921	31 декаб. 1921
Чугун (в шил. за тонну)	260	160	160	130	120	110	100
Сталь (в стер. за тонну)	25	14	14	14	10 ¹⁰	10 ¹⁰	9 ¹⁰

Таким образом для чугуна—непрерывное падение цен, начиная с сентября 1921 года; для стали—с октября. Какая разница по сравнению с тем, что мы наблюдаем в движении цен в текстильной промышленности. Правда, отставание в подъеме цен в сфере тяжелой индустрии вполне естественно.

Вполне совпадающие с указанными, данные показывают и Соед. Штаты. Вот о чем сообщает Суханов в статье „Тем хуже для фактов“ (Эк. Ж. 9 февраля 1921 г.): „За время подъема продукции, рыночные цены на чугун не поднимались, а падали. В июне они стояли на уровне 27 долларов за тонну, в октябре,—ноябре—23,5 долларов, а в декабре спустились до 22-х долларов (год назад 32 доллара). Стальному тресту так же пришлось понижать цены (в конце октября—на 7 долларов за тонну). Таким образом две страны (Англия и Соед. Штаты), играющие главную роль в мировой продукции чугуна и стали, не только не обнаруживают перелома к лучшему в движении цен на основное сырье тяжелой индустрии, но, наоборот, дают определенную картину падения их; я думаю, что приведенных фактов достаточно для того, чтобы составить себе ясное представление о конъюнктуре мирового хозяйства с точки зрения динамики цен. Динамика эта указывает определенно на продолжающееся углубление кризиса. Осенью прошлого года для капиталистического хозяйства блеснул луч надежды, но только блеснул. Зимние месяцы снова раскрыли перед капитализмом бездну кризиса. Кратковременность и относительная незначительность повышения цен обнаруживают спекулятивную природу октябрьского подъема и его обусловленность исключительными условиями, оказавшими влияние на хлопчатобумажную промышленность и через нее на другие отрасли производства. К тем же выводам нас приведет рассмотрение данных относительно мирового рынка труда.

5. РЫНОК ТРУДА.

Вопреки уверениям Фалькнера, безработица не уменьшается, а увеличивается. Для Соед. Штатов точной статистики безработицы не имеется, но известно, что в общем, количество безработных колеблется вокруг все той же крупной цифры в 5.000.000 человек.

На конференции, посвященной вопросам безработицы и состоявшейся в Вашингтоне в конце декабря прошлого года, была установлена цифра в 5.200.000 ч. Как выяснилось на этой-же конференции, правительство в состоянии организовать общественные работы только для 500 т. ч. Вместе с тем, в Соед. Штатах за 1921 г. зарегистрировано

*) „Times Trade Supplement“ от 21-го января 1922 года дает следующие цены за время с декабря 1920 по январь 1922 года: Гематент—130, 130, 130, и 120, 120, 115, 160, 170, 105, 105, 105, 100, 98; Клевлент—120, 120, 118, 110, 110, 105, 105, 100, 98, 95, 93; (в шиллингах за тону).

более 500 сокращений заработной платы, коснувшихся 750 крупных предприятий с 2.000.000 рабочих. Сокращение в среднем достигло 20%. Союз судовладельцев проектирует новое сокращение на 15%.

В Англии в осенние месяцы обнаружилось некоторое уменьшение безработицы, но с октября безработица снова возрастает; все явственное обнаруживается тенденция к понижению заработной платы. Обозреватель рынка труда в „Economist“ мудро советует английскому пролетариату свыкнуться с мыслью, что к прежнему уровню жизни возврата нет. Нужно думать, что английские рабочие сумеют достойно ответить на эти наставления; но пока что безработица непрерывно увеличивается и дает небывалые для прежних лет цифры.

ДВИЖЕНИЕ БЕЗРАБОТИЦЫ в АНГЛИИ за 1920—1921 г.
(по отношению к числу членов Тред-Юнион).

М е с я ц ы	1917 г.	1920 г.	1921 г.	
Январь	0,6	2,9	6,9	Исключая бастующих, выброшенных по локауту, больных и пенсионеров.
Февраль	0,5	1,6	8,5	
Март	0,5	1,1	10,0	
Апрель	0,5	0,9	17,6	
Май	0,5	1,1	27,2	
Июнь	0,5	1,2	23,1	
Июль	0,4	1,4	16,7	
Август	0,4	1,6	16,5	
Сентябрь	0,4	2,2	14,8	
Октябрь	0,3	5,3	15,6	
Ноябрь	0,3	3,7	15,9	
Декабрь	0,3	6,0	16,5	

А вот другая таблица, чрезвычайно характерная и показательная:

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПАДЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ в АНГЛИИ в НОЯБРЕ

П Р О Ф Е С С И И	Число рабочих, пострадавших от понижения заработной платы	(Данные союза шахтеров). Падение заработной платы в фунтах еженедельно	
Строители	445.000	303.900	Падение заработной платы особенно сильно задело горнорабочих, шахтеров и металлистов.
Металлисты (чугун и сталь)	239.000	431.700	
Машино и судостроительные рабочие	1 359.000	652.200	
Текстильщики	1 004.000	594.000	
Транспортники	706.000	383.000	
Горнорабочие и шахтеры	1 291.000	2.500.000	

Обе таблицы явно свидетельствуют об ухудшении рынка труда в Англии: октябрь, ноябрь и декабрь дают безостановочное увеличение

чисел безработных. Затем, в абсолютных числах мы имеем следующие данные: на 16 января 1922 года в Англии безработных 1.933.450 против 1.888.743 на 30 декабря 1921 года *).

Т. Стоклицкий в статье, помещенной в „Правде“ от 17-го февраля указывает, что „число безработных углекопов в конце декабря несмотря на сезонное оживление, достигло 127 тысяч человек. 75% из числа работающих занято всего три смены

чаще выступает как излюбленное мероприятие буржуазии в ее борьбе с пролетариатом.

В Дании союз предпринимателей готовит локаут. Как указывает датское правительственное радио, локаут может охватить 200.000 ч.; в Швейцарии число безработных с 67 т. в июне возросло до 100 т. в декабре (Freiheit).

В Стокгольме заключен договор, согласно которому предприним

6. ХЛОПЧАТО-БУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Для Англии имеются более или менее точные данные относительно вывоза хлопчатобумажных изделий. Эти данные, как указывает Фалькнер, имеют для Англии определяющее значение: „В то время, как Американская промышленность работает главным образом на внутренний рынок и вывозит сравнительно небольшой процент своей продукции, Английская текстильная промышленность росла и развивалась на внешнем рынке. Экспорт за границу поглощает здесь весьма большую часть производства, так что для Англии больше, чем для какой-либо иной страны, цифры экспорта характеризуют и самое положение производства“ Эк. Жизнь № 285. Но из указанного Фалькнером следует также и то, что состояние английского хлопчатобумажного экспорта является самым чувствительным барометром состояния мирового хлопчатобумажного рынка. Вот цифры:

ВЫВОЗ ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫХ ИЗДЕЛИЙ из АНГЛИИ.

1921 год	П р я ж а (в тыс. фунтов)	Т к а н и (в тыс. квадратн. ярдов)
Май	8.554	165.694
Июнь	8.737	152.639
Июль	8.971	177.530
Август	15.786	212.403
Сентябрь	15.695	205.386
Октябрь	18.664	342.411
Ноябрь	18.664	363.000
Декабрь	16.000	330.000

Цифры экспорта пряжи и тканей показывают определенное улучшение с мая по ноябрь 1921 года, но в декабре мы снова имеем падение, и довольно крупного размера; данные относительно движения экспорта не вполне соответствуют цифрам, характеризующим движение цен на хлопок по темпу изменений; мы имеем здесь до декабря твердую повышательную тенденцию, однако декабрьское падение показывает, что тенденция к понижению цен на хлопок, отмеченная мною выше, свое дело сделала, сорвала улучшение экспорта: пряжа—октябрь—18.664, декабрь—16.000; ткани—ноябрь—363.000, декабрь—330.000. Таким образом, говорить об улучшении положения в хлопчатобумажной промышленности на основании данных вывоза, во всяком случае, преждевременно. Кроме того, нельзя не согласиться с Сухановым, указывающим на следующее: „Когда экспортные цены падают, то при характеристике конъюнктуры, нельзя ограничиваться данными о реальном, о натуральном экспорте, ибо никак нельзя заключить об улучшении конъюнктуры, если приходится за ту же цену экспортировать вдвое больше продуктов (ведь речь идет о месячных сроках, когда нельзя говорить об удешевлении производства за счет улучшения техники)“ (Эк. Ж. № 31—1922 г.).

Посмотрим теперь, каковы данные относительно хлопчатобумажной промышленности в Соед. Штатах. При этом нужно будет иметь в виду, как уже было отмечено выше, что С. Ш. мало экспортируют и потому положение хлопчатобумажной промышленности в Соед. Штатах является недостаточно показательным для мирового положения. Подвергнем анализу следующую таблицу:

ХЛОПЧАТО-БУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СОЕД. ШТАТОВ в 1920—1921 г.

Средняя месячная пере- работка хлопка за годы	(в тыс. тонн)		Обработка хлопка (в тысячах тонн)		Число прядильных веретен в работе (в тысячах штук)	
			1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.
1913	465	Январь . . .	592	396	34739	31509
1914	454	Февраль . . .	516	396	34669	32459
1915	501	Март	576	438	34668	32105
1916	552	Апрель . . .	567	422	34347	32536
1917	568	Май	441	440	34066	32665
1918	415	Июнь	555	462	34504	32446
1919	493	Июль	578	410	34667	—
1920	487	Август	483	467	34472	33056
		Сентябрь . .	458	485	34641	33900
		Октябрь . . .	400	—	33670	—
		Ноябрь	382	527	31654	34387
		Декабрь . . .	295	512	29870	34489

Что касается экспорта хлопка, то он в декабре 1921 года был равен 640 тысячам кип, в ноябре—694 тыс., в декабре 1920 года—789 тыс.

Как и в Англии, хлопчатобумажная промышленность обнаруживает в С. Шт. значительную твердость по сравнению с другими отраслями производства. Увеличение обработки хлопка, как видно из таблицы, начинается уже с января 1921 года и идет с небольшими колебаниями вплоть до декабря, когда падает на 25 т. тонн по сравнению с рекордной цифрой ноября—(512,527). Между тем *весь* 1920 год характеризуется неуклонным сокращением обработки хлопка.

Таким образом, в отношении хлопчатобумажной промышленности 1920 и 1921 г. г. обнаруживают прямо противоположные тенденции. Иную картину дают цифры, обозначающие количество активных прядильных веретен. Непрерывное сокращение обработки хлопка в 1920 г. не сопровождается пропорциональным сокращением числа работающих веретен. Вместе с тем, повышение обработки в 1921 г. не вызвало увеличения количества активных веретен. Так, например, данные для обработки хлопка за ноябрь—декабрь—527 и 512 т. тонн, для веретен за те же м-цы—34.387, 34.489. Число веретен увеличилось, а добыча уменьшилась. Поэтому, обратимся снова к более показательным данным обработки хлопка. Для того, чтобы их оценить в достаточной мере, нужно вспомнить, что первая половина 1921 года характеризуется для Соед. Штатов, как и для других стран, общим ухудшением хозяйственной конъюнктуры, тогда как за этот же период положение хлопчатобумажной промышленности непрерывно улучшается. Индексы цен за январь—июнь 1921 г. следующие: 134—129—123—117—115—116, по данным Fed Bes Boord повышение индексов начинается в июле. Несоответствие явное и требующее особого выяснения. В 1920 году первая половина года характеризуется почти полным соответствием указанных двух рядов: с начала весны непрерывно падают индексы и ухудшается положение в хлопчатобумажной промышленности; общие индексы цен за январь—июнь: 288—308—310—306—304—291, так же неуклонно падает с марта обработка хлопка (см. помещенную выше таблицу). Объяснять это тем, что кризис в хлопчатобумажной промышленности, возникнув гораздо раньше, чем в тяжелой индустрии, должен был пойти на убыль соответственно раньше, нельзя. Почему такое незначительное несоответствие в 1920 году—1,2 месяца? Почему такое сильное несоответствие в 1921 году—6 месяцев? Очевидно, причину нужно искать в другой сфере. Нужно думать, что под'ем в

хлопчатобумажной промышленности С. Штатов не происходит в условиях, благоприятствующих общему подъему хозяйственной жизни, продолжительному и прочному. Он не оказался, поэтому, в силах оказать оздоравливающее воздействие, достаточно глубокое и быстрое, и на другие отрасли промышленности. Выводы, таким образом, должны быть следующие: подъем в хлопчатобумажной промышленности С. Шт. несомненен; обнаруживать скептицизм по отношению к этому факту, как это делает Суханов, смешно; однако, движение цен на хлопок (см. данные, помещенные выше) и общая конъюнктура в Соед. Штатах, диспропорциональная хлопчатобумажной конъюнктуре, в весьма сильной степени ослабляют значение этого подъема, поскольку речь идет об оценке положения в мировом масштабе.

7. УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Состояние мировой угольной промышленности является одним из основных определяющих факторов по отношению к мировому хозяйству в целом. Рассматривая соответствующие данные в свете общей экономической обстановки, приходишь к заключению, что оснований для положительного прогноза не имеется. Больше того, если учесть влияние английской стачки в апреле—июне 1921 г. и влияние зимних месяцев, усиливающих потребление домашнего угля, — нужно ожидать в ближайшее время значительного падения добычи угля. Движение цен на уголь, как это мы видели, весьма неблагоприятно для угольной промышленности. Рассмотрим отдельно цифры, характеризующие среднюю недельную добычу и движение добычи в Англии по отдельным неделям в течение 1921 г., а затем сопоставим эти цифры.

Средняя недельная добыча угля в Англии в 1920 и 1921 г. (в больших тоннах).

в 1913 г.	по месяцам	1920 г.	1921 г.
средняя недельная выработка	Январь	4790	4360
5620	Февраль	4858	4342
	Март	4876	4104
	Апрель	4285	—
	Май	4426	забаст.
	Июнь	4285	—
	Июль	4761	3803
	Август	4535	4147
	Сентябрь	4242	4073
	Октябрь	4721	4220
	Ноябрь	3979	4318
	Декабрь	5057	4514

Весь 1920 год характеризуется пониженной недельной добычей угля по сравнению с 1913 г. Она держится приблизительно на уровне от 4.200—4800. Эта добыча, вместе с тем, обнаруживает от месяца к месяцу незначительные колебания; резкое падение, как показывает таблица, — только в октябре и ноябре, затем в декабре этот скачек вниз компенсируется добычей в 5057 п.; 1921 год дает уменьшение добычи угля: с января по март непрерывное падение, с апреля по июнь — забастовка, совершенно остановившая добычу; затем, вопреки предшествовавшей забастовке, июль, август, сентябрь, дают падение добычи; в октябре, ноябре, декабре сравнительно незначительное движение вверх, которое несколько не компенсирует потерь, понесенных во время трехмесячной забастовки — 4220—4318—4514, последняя цифра значительно ниже средней недельной выработки 1913 г. — 5620. Такое состояние угольной промышленности является авторитетным показателем тяжелого экономического положения Англии. Нужно принять еще во внимание, что значительную часть своего угля

Англия экспортирует в другие страны. Еще более ясными станут для нас тенденции каменноугольной промышленности в Англии, если мы рассмотрим данные относительно движения добычи угля по отдельным неделям за время июль—декабрь 1921 г.

Июль	9	2.352.700	тонн	Октябрь	8	4.287.900
	16	3.985.200	"		15	4.237.200
"	23	4.334.200	"	"	22	4.236.600
"	30	4.592.500	"	"	29	4.210.200
Август	6	3.623.200	"	Ноябрь	5	4.182.400
"	13	4.536.600	"	"	12	4.372.500
"	20	4.327.800	"	"	19	4.646.300
"	27	4.101.700	"	"	26	4.637.600
Сентябрь	3	4.141.900	"	Декабрь	3	4.693.300
"	10	3.939.800	"	"	10	4.855.100
"	17	4.161.700	"	"	17	5.026.800
"	24	4.273.100	"	"	24	4.965.400
Октябрь	1	4.118.200	"	"	31	3.049.000

(По данным „Economista“ 31/XII—1921 и „Pail Her“ 12,19/I—1922 г.).

Эта таблица не только подтверждает сделанные мною заключения, но и обнаруживает одно весьма важное обстоятельство: вторая половина декабря 1921 г. характеризуется тенденцией к падению добычи угля—5.026800—4.965400—3.049.000; это аннулирует значение подъема добычи за декабрь в целом и указывает на то направление, по которому она пойдет в условиях, естественного к исходу зимы, сокращения спроса на домашний уголь. Укажу еще, что самая низкая цифра добычи за указанный в таблице период была 2.352.700 за неделю к 9 июня непосредственно после окончания забастовки, что вполне понятно, а затем самая низкая цифра за все 25 недель от 16 июня падает на неделю к 31 декабря. Посмотрим теперь каковы данные относительно Соед. Штатов и Германии за 1921 год.

Добыча угля в Соед. Штатах и Германии в 1921 году.

1921 г. месяцы	Соед. Штаты (в тыс тонн)	Германия		
		кам. уголь (исключая Эльзас-Лот., Саарский бас- сейн и Перальц).	Бурый уголь	Кокс
Январь	40.270	12.0	10.1	2.39
Февраль	30.851	12.0	10.0	2.28
Март	30.392	11.9	10.4	2.39
Апрель	27.553	8.8	9.4	2.27
Май	33.300	10.3	10.0	2.22
Июнь	32.896	10.3	10.0	2.22
Июль	30.390	10.8	10.1	2.24
Август	35.243	11.7	10.6	2.25
Сентябрь	35.105	11.6	10.4	2.23
Октябрь	43.741	12.0	10.6	2.39
Ноябрь	—	11.7	10.5	2.34
Декабрь	—	11.9	11.0	2.42

Для добычи угля в Соед. Штатах в ноябре и декабре имеются только данные за некоторые недели. За неделю к 19 ноября 10.956 тыс. тонн—к 26-му 7.083 тыс. тонн, к 3 декабря—7.104 тыс тонн и к 10-му—7.235 тыс. тонн. Таким образом, после повышения с мая по октябрь недельная добыча в конце ноября падает с 10.956 до 7.083, и в первые две недели декабря только незначительно повышается. Если даже предположить для всего декабря 35.000 тыс. тонн, то это все же будет ниже добычи в октябре, явится возвращением к нормам добычи в августе—сентябре. Это доказывает, что нет еще данных для того, чтобы признавать увеличение добычи угля в Соед. Штатах к концу 1921 г. как некоторую упрочивавшуюся тенденцию, как решительный

перелом в движении добычи. По сравнению с Англией здесь, понятно, имеется значительное улучшение положения.

Однако, то обстоятельство, что добыча в октябре превысила среднюю месячную норму 1913 г.—39.870 тыс. тонн, не является решающим; нужно иметь ввиду, что Соед. Штаты за время войны необычайно расширили свою промышленность, и то, что является предельной нормой для 1913 г., не может быть таковой для 1921 года, когда Америка выдвинулась в хозяйственном отношении на первое место. Кроме того, нужно принять во внимание роль Соед. Штатов в экспорте угля. Временно, в силу условий чисто военного характера, американскому углю удалось внедриться в Европейский рынок, вывоз угля из Соед. Штатов значительно увеличился, но затем положение изменилось. Вот что говорят цифры.

Экспорт угля из Соединенных Штатов и Англии.

1920 г.	Соединенные Штаты.	Англия.
Сентябрь	4.336.638	1.475.623
Октябрь	5.074.500	1.417.400
1921 г.		
Сентябрь	1.498.878	3.406.659
Октябрь	1.638.400	3.405.900

Таким образом, в настоящее время первое место по экспорту угля занимает Англия. Поэтому, для оценки положения в мировом масштабе, данные относительно состояния угольной промышленности Соединенного Королевства имеют первоклассное значение. А они, как мы видели, отнюдь не свидетельствуют о переломе конъюнктуры; положение каменноугольной промышленности в Англии не только продолжает быть чрезвычайно тяжелым, но и обнаруживает тенденцию к ухудшению. Соответствующие данные для Германии не показывают в общем ни улучшения ни ухудшения, цифры добычи испытывают незначительные колебания, держась все время почти на уровне 10—12 для каменного угля; 10 для бурого; 2,20—2,40 для кокса. Между тем, как известно, Германия платит углем „репарации“; на уплату „репараций“, идет значительная часть ее продукции и в других отраслях промышленности, испытывающих большую нужду в угле.

На основании рассмотренных данных, таким образом, никак нельзя прийти к заключению о переломе конъюнктуры. К тому же выводу мы придем, познакоившись с состоянием добычи чугуна и стали в Англии и Соединенных Штатах.

8. ЧУГУН И СТАЛЬ

В этой области обнаруживается существенное различие между величиной производства стали и чугуна, как в Англии, так и в Соединен. Штатах: в выплавке чугуна тенденция к повышению действует непрерывно с лета по конец зимы 1921 года, выплавка стали подвержена значительным колебаниям с проявлением в декабре тенденции к понижению. Рассмотрим следующую таблицу. (См. таблицу на стр. 230).

Прежде всего бросается в глаза ухудшение положения в обеих отраслях производства в 1921 г. по сравнению с 1920 г. Вторая половина 1921 г. отмечена возрастанием выплавки чугуна, как в Англии, так и Соед. Штатах; выплавка стали конкретно в цифрах дает иную картину. Англия с июля по декабрь—117—434—429—405—443—381, в среднем с августа по ноябрь колебания вокруг почти одной и той же цифры, но в декабре резкое падение. Нечто сходное мы

ВЫПЛАВКА ЧУГУНА И СТАЛИ (В ТЫС. ТОНН).

	А Н Г Л И Я				СОЕДИН. ШТАТЫ			
	Чугун		Сталь		Чугун		Сталь	
	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.
Январь	665	645	754	493	3.015	2.416	3.582	2.659
Февраль	645	463	798	483	2.979	1.937	3.458	2.111
Март	699	386	840	359	3.376	1.595	3.982	1.896
Апрель	671	60	794	70	2.740	1.193	3.184	1.465
Май	739	14	846	6	2.986	1.221	3.480	1.528
Июнь	750	1	845	3	3.043	1.085	3.597	1.192
Июль	751	10	790	117	3.067	865	3.383	963
Август	752	94	769	434	3.147	984	3.621	1.138
Сентябрь	741	158	835	429	3.129	985	3.620	1.385
Октябрь	533	235	554	405	3.292	1.240	3.640	1.392
Ноябрь	403	271	505	443	2.935	1.414	3.185	1.979
Декабрь	682	275	747	381	2.704	1.649	2.825	1.611

видим в Соед. Штатах: 968—1.138—1.395—1.392—1.979—1.611. В Англии положение несомненно хуже, здесь более определенно намечается тенденция к падению выплавки; август-сентябрь-октябрь—434—429—405. Если сопоставить с приведенными цифрами последние данные относительно цен, то тенденция к ухудшению станет явственной и по отношению к чугуну. В декабре в С. Ш. „National Lube Company“ понизила цены на трубы приблизительно на 5 долларов за тонну, цены на чугун падают с октября по декабрь: 27 дол. за тонну—23.5—22. Стальной трест понизил цены на рельсы в конце октября на 7 долларов за тонну. В Англии в декабре и январе по числам 1, 8, 15, 22, 29 дек. 5, 12, 19 янв. мы имеем следующее движение цен: (в шиллингах за тонну) Гематит—130—130—130—120—120—115—110—107—105—105—105—100—98. Кливленд—120—120—118—110—110—105—100—100—98—98—98—95—95—93. Помимо того, указанное выше понижение продукции стали, особенно в Англии, неизбежно должно вызвать понижение продукции чугуна, затем, если принять во внимание угольную забастовку в Англии, то придется признать, что добыча чугуна и стали в Англии, во вторую половину 1921 года не компенсирует потерянных трех месяцев почти полной остановки производства и не дает в общем возвращения к дозабастовочным нормам в феврале-марте. Все это в совокупности дает основание утверждать, что перспективы развития металлургии в Англии и С. Ш., несмотря на сравнительно твердое положение в выплавке чугуна, являются неблагоприятными; это особенно ясно, поскольку речь идет о стали. Наряду с этим, судостроение, одна из важнейших отраслей промышленности, обнаруживает в Англии определенную тенденцию к понижению производства. Вот данные, рисующие положение судостроения в Англии и во всем мире.

*) Забастовка.

А Н Г Л И Я (В ТОННАХ).

	Месяцы	Всего	Приост. работа	Отложено окончание	Весь мир
					Всего
1920 г.	Март	3.394.425	—	—	7.727.257
	Июнь	3.578.153	—	—	7.584.812
	Сентябрь	3.731.098	—	—	7.507.64
	Декабрь	3.708.916	—	—	7.157.480
1921 г.	Март	3.798.593	497.000	550.000	7.086.766
	Июнь	3.530.047	735.000	444.000	6.194.468
	Сентябрь	3.782.972	731.000	457.000	5.512.978 *)
	Декабрь	2.640.319	724.000	—	4.457.043 **)

Сокращение судостроения болезненно отражается и на положении французской промышленности. Как сообщает „Zentral archiw für Politik und Wirtschaft“ от 4—2 1922 г. „Кризис сильно отразился на судостроении во Франции; новых заказов почти нет, ряд верфей закрыт, растет безработица, намечается сильная тенденция к понижению цен для улучшения условий конкуренции с заграницей; это должно оказать влияние на тяжелую индустрию, доставляющую сырье для судостроения. Только повышение фрахтовых ставок может привести к улучшению положения“. Между тем, как это будет показано ниже в обзоре внешней торговли, фрахтовые ставки, в связи с сокращением мирового торгового оборота, падают.

Сокращение судостроения, с одной стороны, отражает общее развитие кризиса, с другой стороны, неизбежно должно ударить по всей металлургии и угольной промышленности, для которых судостроительная промышленность является одним из важнейших рынков сбыта.

9. МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ.

Международный торговый оборот является зеркалом, в котором отражается состояние мирового хозяйства в целом и отдельных его частей. Современный кризис, поэтому, может быть довольно ярко и точно охарактеризован состоянием торгового баланса главных капиталистических государств, движением фрахтовых ставок. Соответствующие данные для Англии за 1920 и 1921 г., взятые по месяцам, обна-

*) Включены 375 т. тонн, работа над которыми была приостановлена (преимущественно в Соед. Штатах и Италии).

**) То же относительно 400 т. тонн (преимущественно в Италии). В последнюю четверть 1921 г. в Англии было заложено только 19 кораблей вместимостью в 55.290 тонн, а в первую четверть 99—в 392.353 тонн.

руживают развитие кризиса. В номере от 21 февраля 1922 г. „Economist“ дает следующую сводку:

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС АНГЛИИ в 1921 г.
(в милл. фунтов.)

Месяцы.	Импорт.	Экспорт.	Перевес ввоза.	Перевес ввоза в 1920 г.
Январь	117,0	102,7	14,3	52,0
Февраль	97,0	76,2	20,8	61,8
Март	93,7	75,7	18,0	45,9
Апрель	90,0	68,4	21,6	40,4
Май	86,3	50,3	36,0	26,8
Июнь	88,2	45,2	43,0	33,8
Июль	80,8	52,5	28,3	7,8
Август	88,6	61,3	27,3	25,0
Сентябрь	87,1	63,8	23,3	22,6
Октябрь	84,7	72,7	12,0	21,2
Ноябрь	89,3	72,7	16,4	11,7
Декабрь	85,3	68,6	16,7	10,2

Как видно из таблицы абсолютные цифры ввоза и вывоза на протяжении всего года дают значительное падение; баланс остается все время пассивным; сравнение 2-й половины 1921 г. с второй половиной 1920 г. обнаруживает сильное ухудшение баланса; правда, он несколько улучшился за период июль—октябрь, но в ноябре и декабре снова наступило ухудшение.

Могут возразить, что превышение ввоза над вывозом не является отрицательным показателем для Англии, так как она с начала 20-го века все время, и в условиях промышленного расцвета, больше ввозила, чем вывозила. Однако, как указывает Туган-Барановский, это объясняется тем, что „Англия является кредитором других стран, уплачивающих Англии проценты по своим долгам товарами“. Помимо того, Англия до войны в огромном размере помещала свои капиталы в иностранной промышленности. В настоящее время она не столько является кредитором других стран, сколько должником Соед. Штатов; об экспорте капитала в прежнем размере говорить не приходится. Таким образом, в современных условиях, пассивность торгового баланса является вполне определенным свидетельством тяжелого экономического положения Англии*). Это находит свое выражение в том, что стерлинг стоит ниже паритета.

	Число ак- цион. предпри- ятий.	(в фунтах) Чистая прибыль.		Разница по сравн. с 1920 г.	%
		1920	1921		
1 четв.	412	41.915.998	43.387.538	+1.471.540	—
2 четв.	355	44.173.294	40.467.496	—4.705.798	8,4
3 четв.	232	24.157.772	13.912.771	—10.245.001	42,4
4 четв.	311	30.272.382	14.268.278	—16.433.363	52,9
		140.519.446	112.036.083	—28.433.363	20,1

(Zent. Archiv 18 февраля 1922 г.)

Ухудшение условий внешней торговли мы наблюдаем и по отношению к Соедин. Штатам. Фрахтовые ставки на протяжении всего 1921 г. падают.

*) На это указывают и данные относительно движения прибыли в Англии за 1920 и 1921 г. по четвертям года.

ИНДЕКСЫ ФРАХТОВЫХ СТАВОК ИЗ СОЕД. ШТАТОВ в 1920 и 1921 г.

Месяцы.	В Англию	Во Францию.	В порты средиземного моря.	Средние индексы.
Январь 1920	100,0	100,7	100,0	100
Июль	96,0	85,6	75,3	85,3
Декабрь	72,3	38,5	49,2	63,6
Январь 1921	60,7	30,2	43,3	43,3
Февраль	54,7	37,7	43,8	38,5
Март	49,3	24,6	42,2	35,9
Апрель	50,1	32,6	35,7	39,0
Май	50,6	35,0	34,6	40,1
Июнь	42,7	34,7	34,0	37,6

„Economist“ от 17 сент. 1921 г.

К сожалению не удалось достать сводки и за последние м-цы 1921 г. Но недостающие данные могут быть дополнены сведениями относительно фрахтовых ставок на отдельные товары.

ФРАХТОВЫЕ СТАВКИ НА ЗЕРНОВОЙ ХЛЕБ и ЛЕС ЗА ЯНВАРЬ, МАЙ, СЕНТЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1921 г. (в ШИЛЛИНГАХ)

Рейс	Мера	Я н в.	М а й	Сент	Дек. ср. числа
Гольф-Континент	Квартер (хлеба)	—	6/9	5	—
Гольф-Англия	Штандарт (лес)	290	140	160	155
Нью-Йорк	Квартер	7-ХП 20-ХП	4-1-1922 г.г.	24-1	
Лондон	(хлеба)	4 3	3	3	

Движение фрахтовых ставок за 1921 год указывает, главным образом, на значительное ослабление торгового оборота. Обухудшении положения свидетельствуют и данные относительно внешней торговли Соед. Штатов за 1921 по отдельным месяцам.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ С.ШТАТОВ.

1921 г. месяцы	Ввоз	Вывоз	Абсолютная разница	Разница в % (если принять среднюю цифру 1920 г. — 246 м. дол. за 100 %)
(в миллионах долларов)				
Январь	208,9	654,7	445,8	+ 180
Февраль	215,0	489,0	274,0	+ 111
Март	252,0	384,0	132,0	+ 55
Апрель	255,0	340,0	85,0	+ 35
Май	200,0	330,0	122,0	+ 50
Июнь	198,0	340,0	142,0	+ 60
Июль	178,0	322,0	144,0	+ 58
Август	194,0	375,0	181,0	+ 73
Сентябрь	108,0	317,7	208,0	+ 85
Октябрь	183,0	263,0	80,1	+ 33
Ноябрь	211,0	295,5	84,2	+ 34

(По данным „N. Z. Zeituna“ № 49 1922 г. и „Эк. Ж.“ 4 янв. 1922 г.).

Как видно из таблицы, с марта 1921 г., условия внешней торговли Соед. Штатов резко ухудшаются, особенно к октябрю и ноябрю, ухудшается не только торговый баланс, обнаруживающий весьма слабую активность, но уменьшаются и абсолютные цифры вывоза и ввоза, особенно вывоза. Это вызвало в Соединенных Штатах невероятное усиление протекционизма, введение ряда запретительных мер, которые должны закрыть доступ на рынок С.-Шт. иностранных товаров. Согласно одному из законов, изданному летом прошлого года, государственному казначейству предоставляются почти неограниченные права в увеличении ввозных пошлин, если будет признано, что импорт иностранных товаров может повредить промышленности Соединенных Штатов.

Понятно, что такой размах в проведении запретительных мероприятий, неслыханный даже в истории агрессивной таможенной политики финансового капитализма, должен внести еще большее расстройство в международный торговый оборот.

Указанные мероприятия направлены, главным образом, против „бросового“ экспорта Германии, выбрасывающей на мировой рынок товары более дешевые, чем товары С.-Шт. и других стран. Однако, несмотря на дешевизну немецких товаров, германский торговый баланс продолжает оставаться пассивным. Только к ноябрю перевес ввоза над вывозом несколько уменьшился. *)

Вот соответствующие данные:

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ГЕРМАНИИ.

В 1921 г. м е с я ц ы	П о в е с у		П о ц е н н о с т и		Б а л а н с
	(в 1000 двойных цент- неров)		(в милл. марок)		
	В в о з	В ы в о з	В в о з	В ы в о з	
Май	15,340	11,452	5,436	4,558	—928
Июнь	18,236	15,091	6,409	5,433	—976
Июль	19,245	15,582	7,580	6,208	—1,372
Август	21,109	18,277	9,418	6,684	—2,734
Сентябрь	25,326	18,707	10,668	7,519	—3,149
Октябрь	30,048	19,731	13,875	9,711	—4,164
Ноябрь	25,346	19,079	12,278	11,912	—404

(„Эк. Жизнь“ 22 янв. 1922 г.)

Эти цифры показывают абсолютный рост ввоза и вывоза, следовательно, оживление внешней торговли Германии в то время, как в отношении Англии и Соед. Шт. наблюдается обратное; однако, это оживление не несёт с собой оздоровления хозяйственной жизни Германии; нужно иметь еще в виду, что за иностранное сырье и привозные продукты питания ей приходится расплачиваться

*) Торговый баланс Германии до войны был пассивным. Это однако компенсировалось с лихвой усиленным экспортом капитала, доходами от морских фрахтов, которые, в общем, делали активным платежный баланс Германии. В настоящее время об указанных источниках для покрытия платежного дефицита и речи быть не может.

падающей в своей ценности маркой. Здесь сказывается своеобразная диалектика современного хозяйственного положения Германии: падение курса марки стимулирует вывоз, но вместе с тем ставит германскую промышленность в чрезвычайно тяжелые условия в отношении приобретения сырья, неуклонно понижает реальную заработную плату германского рабочего. Всякое указание на улучшение в той или иной отрасли производства Германии легко парализуется фактом непрерывного катастрофического ухудшения общего финансового положения ее.

В течение первых 10 м-в 1921 г. общая сумма бумажных денег в Германии возросла на 38%, а стоимость марки понизилась на 2000%; неконсолидированный долг увеличился с 152 миллиардов марок до 226 миллиардов, или больше чем на 48%; германский бюджет за 1921—1922 г. показывает дефицит в 151 миллиардов марок. В силу этого, в первую неделю декабря 1921 г. снова выпущено бумажных денег на сумму в 1.843 милл. марок. Я думаю, что читатель простит мне небольшое отклонение от вопроса о внешней торговле; приведенные факты, касающиеся финансового положения Германии, великолепно дополняют данные относительно торгового баланса, бросают на них яркий, много поясняющий свет.

Таким образом, рассмотрение данных внешней торговли Англии, С. Ш. и Германии приводит к одинаково неблагоприятным выводам для международной конъюнктуры. Из крупных промышленных стран одна только Франция обнаруживает известное улучшение абсолютных условий внешней торговли. Вот цифры ввоза и вывоза за 1921 г. по месяцам. Ввоз с января по декабрь—1982—1614—1743—1779—1566—1724—1469—1731—2226—2227—2334—3134. Вывоз с января по декабрь—1883—1889—1686—1932—1649—1750—1563—1725—1775—1759—1748—2182. Однако и во Франции весь 1921 год дает значительную пассивность баланса.

Неблагоприятные условия международной торговли вызвали увеличение ввозных пошлин не только в С. Ш., но и в Англии, а в Германии—меру противоположного характера—увеличение ввозных пошлин. С 1-го октября в Англии вступила в силу 1-я часть закона „о защите промышленности“, согласно которой устанавливается ввозная пошлина в размере $\frac{2}{3}$ стоимости продукта по отношению к химическим продуктам, оптическим инструментам, лабораторным приборам и т. п. В Австралии ввозные пошлины увеличены на 20—25%.

В Германии явления „распродажи“ или „опасного вывоза“ привели к повышению *вывозных* пошлин, установленных законом 19-XI 1919 г. ноября 1921 г. Нынешние ставки колеблются от 10 до 4%. Таким образом Германия, для того чтобы остановить выкачивание из страны необходимых ей самой материальных ресурсов, идет по пути, который должен ухудшить ее торговый баланс и затруднить выполнение „обязательств“ по отношению к Англии. Но эти факты характеризуют не только внутреннюю противоречивость положения Германии, они показательны и для всей мировой международной торговли, осложненной и запутанной целым рядом обстоятельств, которые капитализм не в силах устранить.

В этом смысле кризис недопроизводства в Германии является обратной стороной кризиса относительного перепроизводства, поразившего большую часть мирового хозяйства.

10. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

Современный кризис мирового хозяйства, начавшийся в середине 1920 г., определяется следующими основными факторами: резким нарушением равновесия между отдельными частями мирового хозяйства (наиболее сильно это проявляется в необыкновенном усилении экономической мощи Соед. Штатов в результате войны), необычайным понижением реальной покупательной силы широких масс населения, расплачивающихся до сих пор за издержки производства мировой войны 1914—1918 г., колоссальной растратой производительных сил во время той же войны (от этого страдают преимущественно побежденные страны), и, наконец, валютным хаосом, резко разделившим мировой рынок на страны с падающей и повышающейся валютой; последнее обстоятельство играет существенную роль в ухудшении условий международной торговли. Будучи следствием дезаккумуляции капитала в ряде стран и накопления в этих же странах бумажных „ценностей“, валютный хаос в свою очередь действует самым губительным образом на условия капиталистического накопления, усиливает несоответствие между отдельными отраслями хозяйства в рамках каждой страны.

Все указанные причины до сих пор продолжают действовать в полной мере, а некоторые, как валютный кризис, усиливаются. Это определяет неизбежность развития кризиса и в дальнейшем. Проанализированные мною данные (индексы цен, рынок труда, состояние основных отраслей производства, международная торговля) показывают, что осенняя повышательная волна оказалась и короткой и невысокой, к середине зимы она стала, кое где только повышение держится; неизбежно в ближайшее время дальнейшее углубление кризиса. Понятно, вполне вероятно в будущем наибольшие подъемы, но они едва ли смогут внести радикальное улучшение в положение мирового капиталистического хозяйства. Для этого необходимо, чтобы капитализм консолидировался в мировом масштабе как единая организованная и согласованная система, преодолевшая те разрушительные силы смертельного антагонизма, которые разрывают мировое хозяйство на части. Конкретно, как первый шаг по этому пути это означало бы уничтожение Версальского договора, согласование экономических и политических интересов Франции и Германии, Англии и Соед. Штатов, мирное решение тихоокеанской проблемы и т. д.

Вашингтонская конференция, Канны, колебания в вопросе о Генуэзской конференции лишь раз показали, что капитализм не в состоянии одолеть разлагающие его противоречия. В буржуазной экономической литературе сплошь да рядом встречается с указаниями на то, что, так сказать, „стихия вывезет“; всевозможные прожекты организованного преодоления кризиса, едва-ли могут иметь большую практическую ценность, и к ним, даже в капиталистической прессе, относятся весьма осторожно. Приведенные выше цифры показывают, что стихия хозяйственной жизни весьма немилостива к капитализму. Поэтому, мне думается, остается неизбежным прогноз III конгресса Коминтерна: „Подъемы могут иметь кратковременный, в значительной мере спекулятивный характер. Кризисы должны быть длительными и тяжелыми“.

Г. Левит.

ДРАГОМАНОВ И ИВАН ФРАНКО В ПОЛЬСКОМ ДВИЖЕНИИ.

Социалистическое движение в Польше началось только в конце семидесятых годов. Это запоздание было обусловлено не только кровопусканием, устроенным царизмом после подавления восстания в 1863 г., но и тем обстоятельством, что молодая, только нарождающаяся буржуазия, почуяв крупную для себя наживу в России, только что освободившейся от цепей крепостного права и переходившей от натурального хозяйства к денежному, во всяком противоправительственном действии усматривала чуть-ли не измену „отчизне“. Удушливая атмосфера, царившая в то время в Польше, при сравнительном оживлении движения в России и на Украине, толкала революционно настроенную молодежь в ряды русских революционных партий, где эта молодежь, участвуя в русском движении, организовала и свои польские кружки. Отдельные члены кружков отправлялись в качестве эмиссаров в Польшу и становились первыми эмиссарами социалистического движения. В этом отношении первенствующую роль играл Петроград и два украинских центра: Киев и Одесса. Из Украины в 1876 г. прибыла в Варшаву народная учительница Филиппина Пласковицкая, первая пропагандистка среди крестьян. Украине же обязано польское социалистическое движение и Людовиком Варыжским, родившимся на Украине и кончившим гимназию в Белой Церкви, самым выдающимся по сие время из всех польских деятелей, основателем партии „Пролетариат“, погибшим впоследствии в Шлиссельбурге... Из Украины прибыли на работу в Польшу Казимир Длукский, Гильбат, Избицкий и мн. других. Наряду с поляками, родившимися или воспитывавшимися на Украине, идеологическое влияние в начале социалистического движения в Польше имели и украинские деятели, в частности М. Драгоманов и Иван Франко.

Политическая физиономия Драгоманова более или менее известна, и я, поэтому только вскользь останавливаюсь на нем. На поверхности польского движения он появился в июне 1877 г. во время первого суда над польскими и украинскими социалистами во Львове в связи с арестом Эразма Кобылянского (братом умершего в Шлиссельбурге Людовика Кобылянского), отправленного петербургским кружком за границу за нелегальными изданиями. Кобылянский, ездивший под фамилией Михаила Котурницкого, привез во Львов закупленные им в Швейцарии издания на русском и украинском языках, пополнил транспорт польскими изданиями, купленными во Львове, но перевезти эти издания через границу ему не удалось. По доносу одного из служителей гостинницы он был арестован. При обыске у него было найдено письмо Драгоманова к Михаилу Павленку, в котором между прочим, было следующее наставление польским социалистам:

„Польские социалисты должны сразу же объявить, что их целью отнюдь не является восстановление прежнего польского государства в пределах 1772 г., хотя бы это государство и было социалистическим,

а организация польского народа на польской земле в тесной связи с украинскими социалистами, организующими свой народ на своей земле“.

Во время этого процесса, кончившегося осуждением Ивана Франко и Михаила Павленка за „принадлежность к „тайному сообществу“ к трем месяцам тюремного заключения, а Котурницкого—к одному месяцу за проживание под чужой фамилией, Котурницкий заявил, что примирение между украинцами и поляками, которого тщетно добивались прежние польские партии, может последовать только на основах социализма, так как социализм является врагом всякого гнета и всякой эксплуатации.

Этим письмом не исчерпывается идейное влияние Драгоманова на польское социалистическое движение.

В 1878 г. социалистическое движение в Польше уже значительно окрепло и на очередь дня был поставлен вопрос о составлении и издании программы. Дело это было поручено Александру Венцковскому, Сигизмунду Герингу и Цезарине Войнаровской с тем, чтобы эта программа была предварительно отдана на просмотр Петру Лавровичу Лаврову, Николаю Жуковскому, известному в то время последователю Бакунина, и Драгоманову. Последний обратил главное свое внимание на пункт программы, гласивший:

„Признавая, что достижение наших целей в Польше возможно лишь при международной солидарности стремлений социалистов, мы требуем федеративной связи с социалистами всех стран“. Этот пункт Драгоманов предлагал заменить следующим:

„Признавая, что достижение наших целей в Польше возможно лишь при международной солидарности стремлений социалистов, мы требуем федеративной взаимности с социалистами соседних национальностей: немецкой, литовской, белорусской, украинской и других славянских“.

Эта поправка была польскими социалистами отклонена. Постепенно усилившееся интернационалистическое течение, а затем знаменитый союз „Пролетариата“ с „Народной Волей“ парализовали влияние Драгоманова, и в дальнейшем развитии польского социалистического движения, он не принимает непосредственной роли, становится объектом полемических нападков, приводимый, как пример, лишь для противодействия аналогичному течению в самой Польше.

Более продолжительно по времени влияние Ивана Франко, действовавшего на территории Вост. Галиции, владевшего польским языком и продолжительное время писавшего на этом языке.

Франко в 1878 году дебютировал на польском языке чем-то в роде социалистического катехизиса—брошюры, изданной, как на ней значится, в Лейпциге 8 августа 1878 г. В этой брошюре Франко велел за сжатым очерком экономического содержания социализма, переходит к вопросу об участии рабочих в политической жизни страны, настаивает на необходимости для рабочих активно участвовать в выборах в парламент и через своих депутатов воздействовать на правительство.

Вслед за этим Франко затрагивает злободневный для тогдашней Польши вопрос „о патриотизме“ и „независимости Польши“. Обходя молчанием вопросы о „междуклассовой солидарности“, о „единстве нации“, в корне подтачивающих классовую борьбу пролетариата, Франко довольствуется констатированием того, что социализм не противоречит патриотизму, так как он является врагом „всякого гнета, всякой эксплуатации и человека человеком, и народа народом“. „Смело можно

сказать—говорит Франко, что действительно прекрасное и свободное развитие национальности может последовать только при социалистическом строе,—строе самом свободном из всех и обеспечивающем благосостояние нации“.

Признавая в принципе борьбу за независимость, Франко тут-же бьет отбой:

„Политическая независимость весьма малоценна при наличности внутренней социальной неволи. Какую пользу получит наш народ из того, что собираемые с нас подати, вместо Москаля или Пруссак, будет расточать правительство, состоящее из наших собственных панов, заботящихся, также как Москаль и Пруссак, не о благе народа, а о себе самих. Какая нам польза от того, что у нас будет свой собственный король, если ростовщики и капиталисты будут по-прежнему с нас сдирать шкуру? Наоборот пока народу не будет дана надежда на социальную реформу (!), т. е. на улучшение его материального благосостояния, до тех пор он всей своей массой не двинется на борьбу за свою и нашу политическую независимость. Нужно прежде всего обеспечить народу хлеб и все плоды его труда, и тогда никакая сила, никакое нашествие не сможет поработить его, не сможет лишить его независимости. Другого средства нет“.

Эти строки весьма характерны. Франко, совершенно того не замечая, переносит центр тяжести на борьбу за независимость и надеждой на „социальную реформу“ надеется двинуть польские народные массы на борьбу за „свою и нашу политическую независимость“. В этом отношении он только видоизменяет формулу Гадеуша Костюшки: „Освободим народ, а он освободит нас“ и является в социалистическом движении предтечей нынешнего „начальника“ польской Речи Посполитой“, которому нужен был пролетариат для независимости, а не независимость для пролетариата.

Причины, повлиявшие на устранение влияния Драгоманова в значительной мере ослабили и влияние Франко. До тех пор пока в России превалировало влияние „Народной Воли“, а в Польше партия „Пролетариат“ крепко держала в руках интернационалистическое знамя, влияние Франко не выходило за пределы Восточной Галиции. Но, как известно, в 1884 и 1885 г.г. последовал разгром „Пролетариата“, в 1886 г. четыре „Пролетариата“ было казнено, двое отправлено в Шлиссельбург, пять—на Кару, около 20-ти на Сахалин, и тогда при деятельном участии Кобылянского-Котурницкого вновь начало воскресать националистическое течение. В Варшаве и во Львове появились народническо-социалистические органы с патриотическим оттенком: „Голос“ и „Социальное обозрение“. В обоих этих изданиях принимает участие Иван Франко, в первом в качестве постоянного сотрудника, во втором в качестве члена редакции.

В „Социальном обозрении“ Ив. Франко пропагандировал идею организации польско-украинской народной партии на федеративных началах. С социализмом у этой партии, кроме платонических воздыханий, не должно было быть ничего общего. Ее задачи сводились к борьбе за демократические реформы, как социальные так и политические, причем одним из проявлений этих реформ должна была быть национализация земли.

В качестве сторонника такой двунациональной партии, Франко был противником разделения Галиции по национальному признаку: „Единственным условием, при котором не только выделение Галиции в одно автономное целое, по образу Кroatии, но и нынешняя куца автономия могла-бы оказаться полезной для нее является организа-

ция украинско-польской народной партии, которая-бы и в местном сейме и в венском парламенте отстаивала интересы народа.

Перед этой идеей, вполне легальной и легко осуществимой, но вместе с тем при нынешних наших отношениях весьма прогрессивной и чуть-ли не революционной, должна отступить на задний план идея о территориальном разделении Галиции по национальному признаку, возбуждаемая известной группой украинцев. Эта идея, весьма трудно осуществимая, может внести в нашу страну большую смуту и дать возможность весьма подозрительным элементам ловить рыбу в мутной воде, не подвигая ни на шаг вперед ни экономического, ни социального развития народа.

Уже само участие Франко в редакции „Социального обозрения“ определяло отношение этого органа к национальному вопросу. „Вполне понятно—пишет „Соц. Обозрения“ что польский шляхтич, грезя об отчизне, представляет ее себе в границах 1772 г.—„Где был шляхтич-поляк, там и страна считалась польской“, но демократия не может так ставить вопроса. „Соц. Обозр.“ признает „право на самостоятельное развитие всех национальностей, когда-либо входивших в состав польского государства. Расширение польского владычества и выполнение за счет других национальностей не только безразлично для польского народа, но и вредно для его национального будущего, так как этим путем мы создаем себе врагов там, где-бы мы могли иметь друзей, поддерживаем ненавистную для народа шляхетскую традицию, отсрочиваем и делаем более трудной возможность осуществления федерации—той федеративной унии, о которой постоянно благовестят польские патриоты.

Разрешая таким образом вопрос об отношениях между национальностями, имеющими определенную территорию, Франко вместе со всей редакцией „Соц. Обозр.“ никак не может совладеть с вопросом о национальности, вкрапленной в местное население и не имеющей своей территории. „Соц. Обозр.“ по этому вопросу склоняется к сионизму и вменяет своей партии в обязанность содействовать всеми средствами эмиграции евреев в Палестину, Франко-же к этому решению присоединяет идею оставления части евреев на территории Польши, Украины и Галиции на правах иностранцев.

К концу восьмидесятых и началу девяностых годов националистическое течение в Польше все более и более усиливается и, как следствие этого, идея о украинско-польской партии сдается в архив.

Феликс Кон.